

Юрий Дубов — автор всероссийского бестселлера «Большая пайка», давний друг Березовского и партнер его по ЛогоВАЗу, один из сценаристов «Олигарха», ныне проходит обвиняемым по одному из уголовных дел, связанных с медленным, но верным равнодушием из России всего окружения БАБа. Дубов живет теперь в Лондоне.

— Я бы не сказал, что она как-то меняется. Я погрустил по поводу ситуации вокруг НТВ, но нахожу ее вполне закономерной. Подчиненный не может быть умнее начальника. Понапа-ше вспоминайте золотую строчку Галича: «Но умным начальник не может быть». Отсюда и возможный уход умных.

— Означает ли это, что вся наша государственная пирамида обречена быть глупее главного начальника?

— По-моему, это математическая закономерность. Если общество строится, как пирамида, каждый нижний этаж будет глупее предыдущего. А у нас структура общества воспроизвела: начальник прав, потому что он начальник. Поэтому попытки НТВ изменить ситуацию были обречены с самого начала.

— Как вы могли бы прокомментировать уголовное дело против вас?

— Никак. Для меня оскорбительны все разговоры об этом.

— То есть там комментировать, по сути, нечего?

— Нечего. Это чисто политическая, за-казная история, и это очевидно всем: и нашим, и англичанам, и заказчикам, и исполнителям. Англичане только плечами пожимают. Хотя у меня не такой уж широкий круг общения здесь.

— Интересно, а Березовский сильно изменился в Лондоне?

— Вообще не изменился.

— Он вам помогает как-то?

— Я сам справляюсь.

— Юрий Дубов:

о том, что я в розыске, узнал от телевизора

Лондон плохо влияет на мое самочувствие

— Юрий Анатольевич, как бы с вами поговорить?

— Нет проблем, приезжайте.

— Сложно, знаете. Климат мне там не нравится...

— В раю — климат, в аду — общество.

— Есть шансы, что вы вернетесь сюда?

— Не загадываю.

— Я имею в виду, обязательно ли должна смениться власть, чтобы вы вернулись?

— Я вообще стараюсь не думать об этом. Мое время здесь делится между бизнесом и литературой. Бизнес — инвестиционный, литература — прежняя, пишу третий роман.

— Интересно, а бизнес в Лондоне сильно отличается от московского?

— Несколько лет назад я бы сказал, что лондонский бизнес культурнее. Но в последние лет пять и московский стал довольно культурен, так что граница я не чувствую. Вообще, знаете, мир стал маленьким. И тот факт, что я сейчас в Лондоне, не особенно влияет на расклад сил. Иное дело, что он влияет на мое самочувствие. Москва мне ближе, я ее люблю. Мне не нравится ситуация, при которой я не могу туда приехать. Но думать, будто я пере-

стал существовать в России... нет, конечно. Это сейчас не так просто. В «Вагриусе» днями выходит мой второй роман «Варяги и ворюги» — непрямое продолжение «Большой пайки». Точка пересечения этих двух

— О его новой партии ничего не скажете?

— Я никогда не участвовал в его политических делах да и в бизнесе давно самостоятелен.

— И все-таки говорят, когда крупная личность теряет поло-

**Кино снимать
по следующим моим книгам
уже не дадут. Потому что его смотрят
миллионы. А на тысячи тут могут и
рукой махнуть, пусть читают, что хотят.**

книг будет ясна только в третьей, которую пишу довольно быстро. «Варяги» — роман небольшой, потоньше «Пайки» втрое, но, думаю, забавный. Третий роман будет называться «Меньшее зло».

— И в чем оно состоит?

— Так я вам и сказал.

**Не пошел бы
Березовский
в политику —
хуже было бы стране**

— Глядя из Лондона: как меняется политическая жизнь в России?

жение, она утрачивает и часть своей крупности...

— Видите ли, Борис никогда не зависел от среды. Он сам ее делал, эту среду. Поэтому он остается одинаковым в Москве и в Лондоне. Сказать, чтобы перемена декораций слишком его огорчала — нет. Конечно, наверное, его печалит невозможность вернуться. Но занимается он здесь ровно тем же, чем и всегда.

— А именно?

— Политикой. Стараясь по возможности не залезать в бизнес.

— Слушайте, но неужели не

хотели как лучше

— Я самой пленки (с высказываниями Жириновского. — Ред.) не видел, но текст читал. А что? Я тоже иногда могу крепкие морские выражения употребить.

Артур Чилингаров, депутат Госдумы

— Ну чем доказать, что я не рыжий? Ну да, я рыжий.

Леонид Кучма, президент Украины

— Как только включаешь телевизор, там идет передача либо обо мне, либо о моей матери или отце. Я прошу вас перестать меня хвалить, в противном случае я не смогу смотреть телевизор.

Сапармурат Ниязов, президент Туркмении

было бы лучше всем — и ему, и вам, — если бы он в свое время занимался бизнесом, не залезая в политику?

— Во-первых, это вряд ли было бы возможно. В России, в тот момент, да и вообще. Во-вторых, если бы он не пошел в политику, хуже было бы всей стране. Он выступил катализатором многих необходимых процессов.

— И в результате их оказался в эмиграции.

— Да. Но это тоже отечественная закономерность, в которой неизбежно видеть трагедию. Так было, так будет.

«Олигарх» уже раз 80 смотрел и еще бы не отказался

— У вас были трудности с отъездом из страны?

— В моем случае так счастливо совпало, что я уехал до этого уголовного дела. Я уехал писать третий роман, поскольку часть материала, нужного мне для книги, в Москве было трудно достать и небезопасно хранить. Я уехал в Лондон на полгода с намерением закончить книгу и вернуться. А поскольку в гостинице писать невозможно, пришлось снять угол. Коль скоро снимаешь угол, надо перевозить и жену. А когда я ее перевез, мы от телевизора узнали о том, что я тут объявлен в розыск.

— Как вы полагаете, вас будут пытаться... экстрадировать, или как это называется... Или просто хотят, чтобы вас тут не было?

— Понятия не имею. На счет «чтобы меня не было» — я же говорю, в наше время физическое отсутствие уже не принципиально. Я не думаю, скажем, что мои книги не смогут издаваться в России. Но кино скорее всего снимать по следующим книгам уже не дадут. Потому что его смотрят миллионы. А на тысячи тут могут и рукой махнуть, пусть читают, что хотят.

— Что это был за материал, который небезопасно хранить? Экономический? Политический?

— И не экономический, и не политический. Все скоро узнаете, книга почти дописана.

— Вы были типичным советским научным сотрудником, любителем Галича, потом стали бизнесменом, потом эмигрантом... Как вам такая судьба? Нравится?

— Нравится в том смысле,

что она логична. Я могу проследить ее сюжет. Нравится она мне и как материал для литературы. Вообще, знаете, если бы мне было пятнадцать лет... Тогда я мечтал стать космонавтом или геологом. Это мне представлялось верхом романтизма. И вот если бы тогда мне рассказали такую судьбу — со всеми прелестями и опасностями русского бизнеса, со всеми перипетиями, дружбами, предательствами, любовью, отъездом, — я бы воскликнул: о да, я хочу такую судьбу! Но ведь это, наверное, невозможно, и мне никогда такого не дадут прожить... Однако вот дали. И все, о чем я не смел мечтать в пятнадцать лет, исполнилось. Но когда тебе пятьдесят пять, это уже не вызывает у тебя восторга.

— Вы не злитесь на отечество?

— Нет, конечно. Я же его знаю не первый год.

— Нравится вам фильм «Олигарх»?

— Нравится, что он стал вторым по сборам после «Анти-киллера». В остальном объективно его оценивать не могу — смотрел уже раз восемьдесят в процессе работы над ним.

— И не надоело?

— Нет, я бы и еще раз посмотрел...

■ Дмитрий Быков.